

Доклады Академии Наук СССР 1929
Comptes Rendus de l'Académie des Sciences de l'URSS

Е. Г. КАГАРОВ. Материалы по этнографии немцев Поволжья.

[E. KAGAROV. Contributions à l'ethnographie des Allemands du bassin du Volga.]

(Представлено академиком Е. Ф. Карским в заседании Президиума АН 17 IX 1929.)

Как известно, по этнографии немцев Поволжья не существует до сих пор (если не считать диалектологии) ни одной научной работы. Опубликовываемые ниже материалы собраны мною во время моей командировки в АССРНП летом 1929 г. Они основаны частью на виденном мною лично, а главным образом на записях, сделанных мною со слов немецких колонистов.¹

I

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ

Сватовство (Freierei). Прежде чем выйти замуж, девушка некоторое время «гуляет» (läuft) с парнем (Borsch), который потом, сговорившись с возлюбленной и заручившись согласием своих родителей, посылает к ее родителям сватов. Обыкновенно едут сватать двое родственников или друзей жениха, причем предварительно они подкрепляются несколькими рюмками водки. Сватовство происходит большею частью поздно вечером.² Запасшись бутылкой водки, сваты отправляются в дом невесты и здесь сначала заводят речь о посторонних вещах (es wird um die Brenn herumgegangen) и нередко о цели своего посещения говорят иносказательно. На этой почве сложился народный анекдот, записанный мною в Куккусе. Один из сватов заявляет: «Ich will a Rindche kaufa!» — «Ich hab kaans», отвечает отец девушки. «Jo, do sitzt sie jo!», замечает его собеседник, указывая в сторону находящейся здесь же невесты. «Ach die! Die kennt Ehr habe!».³ Когда цель приезда сватов уже выяснилась, родители невесты обычно не дают с первого раза своего согласия, ссылаясь на то, что она еще молода и может один год подождать («Do werd nix draus! Die kann noch e Jahr warte»), что у нее еще нет приданого и т. д.⁴ В конце концов родители, обычно на следующий день, склоняются на уговоры сватов: «Mr hun nix drgege. Wenn, die Liescha (или Marie) nix drgege hun, so sin mr ooch net drgege». Тогда в комнату приглашают жениха и невесту, которые

¹ Эти лица следующие: Johannes Laut 60 л., село Антон, Бальцерского кантона, Amalie Laut 49 л., там же, Katharina Laut 28 л., там же, Friedrich Wiegand 60 л., там же, Johannes Voigt 44 л., там же, Emilie Decker 55 л., там же. Katharina Margarethe Kieselmann 51 г., там же, Hart 39 л., там же, Karl Bartoli (старший) 87 л., Бальцер, Karl Bartoli (младший) 50 л., там же, Jakob Kempel (старший) 88 л., там же, Jakob Kempel (младший) 60 л., там же, Georg Weitzel 50 л., там же, Ella Ehrlich 30 л., Шиллинг, Бальцерского кантона, Rosalie Busik 42 л., Куккус, Зельманского кантона, R. Grasmik, 30 л., там же.

Кроме того, ценные сведения по этнографии и диалектологии немцев Поволжья сообщил мне проф. Саратовского университета Г. Г. Дингес, которому я и приношу здесь свою благодарность.

² Народное объяснение этого обычая («чтобы случайные гости успели разойтись по домам и таким образом не помешали бы сватовству») есть, конечно, позднейшая рационализация. В действительности же сватовство вообще стараются держать втайне: едут сватать обычно вечером, без шума, окольными путями из боязни сглаза и злых духов (Kohl, Tiroler Hochzeit, 1908, SS. 210, 229, 242, 248; Bächtold, Die Gebräuche bei Verlobung und Hochzeit, 1914, S. 26; P. Sartori, Sitte und Brauch, I, S. 54).

³ Иносказания и околичности, имеющие целью скрыть от злых духов и врагов истинный смысл происходящего, распространены при сватовстве в Германии, Австрии и Швейцарии (Bächtold, S. 27 ff.; Sartori, I, S. 52 ff.).

⁴ То же в Германии и других немецких странах Запада: Bächtold, S. 39; Sartori, I, S. 53; Reuschel, Deutsche Volkskunde, II, 1924, S. 74 приводит старую поговорку: dreimal Abschlag erst recht Zusag.

должны подтвердить в присутствии всех свое согласие на брак. «Nun is' s fertig!» — восклицает сват и, достав из кармана бутылку водки, предлагает выпить «uf gut Glick». Жених уплачивает будущему тестю известную сумму денег (Draigeld—Treugeld), и сообщается день осмотра дома и хозяйства жениха (Beschau), а также регистрации в ЗАГС'е.

Сваты, а иногда и парни получают от жениха магарыч или угощение (так называемое «Winkof» т. е. «Weinkauf»)⁵ В случае отказа со стороны родных невесты, о женихе в деревне говорят: «Der Jaschke hat a Mahna (или a Bloes) greit (= einen Korb или ein Blaues gekriegt) bei der Kathrinlis!».

Смотрины (Beschau). В назначенный день невеста вместе со своими родителями посещает жениха, причем если жених из другой деревни, и его имущественное положение отцу невесты не известно, то последний тщательно осматривает хозяйство жениха, обращая особенное внимание на кучи навоза («Misthaufen»). Дело в том, что нередко перед приездом гостей приводят скот от соседей, чтобы произвести впечатление достатка. Но опытный глаз будущего тестя сразу подметит все положительные и отрицательные стороны осматриваемого хозяйства.⁶

Если результаты осмотра признаны удовлетворительными, то окончательно сговариваются о дне обручения и венчания.

Обручение (Verlobung) происходит в церкви или на дому, причем приглашаются крестные отец (Petter) и мать (Geet), близкие друзья и родственники.⁷ Затем совершается обряд «рукобитья» (Handschlag) в доме невесты: жених и невеста все время сидят рядом.⁸ По временам раздаются возгласы: «Горько» («'s is net siess» или «'s is bitter!»), и обрученные должны поцеловаться в присутствии всех.⁹

В течение трех недель по воскресеньям в церкви производится оглашение. Жених дарит невесте материю для подвенечного платья и башмаки, а также покупает кровать. Невеста дарит ему сшитую ею же рубаху. Обручальные кольца они носят лишь после венчания. Любопытный обычай встречается в некоторых колониях: невеста вырезает из бумаги сердце и, украсив его искусственными жемчужными бусами и тремя павлиньими перьями, прикрепляет к фуражке жениха. Этот головной убор (Schnatz) жених носит по воскресным и праздничным дням до венчания.¹⁰ Что касается вечеринки накануне свадьбы (Pollerowet),

⁵ Большинство приведенных выше подробностей находит себе аналогии на Западе. Так уплачиваемая женихом денежная сумма называется: Treugeld, Treupfennig, иногда впрочем Draugeid, Draufgeld, Handgeld и др. (Sartori, I, S. 56, 5). В Рейнской области пирушка, устраиваемая женихом после сговора, носит название Wenkoff (N. Fox, Saarländische Volksk. Bonn, 1927, S. 568; в Саксонии и Тюрингии (Winköf, ib. 359); ср. также Reichhard, Geburt, Hochzeit und Tod, S. 50; Leo Wilz, Unterfrank. Hochzeitsbräuehe, Bayer. Hefte f. Volkskunde, V, 1918, S. 195—224; Bächtold, S. 92 ff.

⁶ О процедуре осмотра дома жениха у западно-европейских немцев, см. Reichhard, S. 47; Sartori, I, S. 35; Fox, S. 355.

⁷ Слово Petter происходит от patrinus (Weigardt, Deutsches Wörterbuch, 6. Aufl. II s. v.; слово Geet из Göt < Gottmutter (т. е. mater in Deo, mater spiritualis: Weigand, Dt. Wörterbuch, I S. 751 s. v.).

⁸ Рукобитье (Handschlag, Handstreich etc.) составляет один из наиболее распространенных правовых символов у многих народов см. Bächtold, S. 112; Fox, S. 349 ff.; Sartori, I, 55, I; Niederle, Život starých slovanů, I, 1911, p. 76, 2 ff.

⁹ Здесь нужно усматривать влияние соответствующего русского обычая. О поцелуе, как ритуально-правовом акте см. Th. Siebs, Der Kuss, Mitt. der Schles. Gesell. f. Volkskunde, X, 1903, S. 1—20; Ch. Lejeune, Le Baiser, Rev. Anthr. XXVI, 1916, 478 sq.; H. Meyer, Friedelche u. Mitterrecht, Ztschr. d. Savigny-Stiftung G. A. XLVII, 1927, S. 241; H. F. Schmid. ib. K. A. XLVI, 1926, S. 563. Генезис обрядового значения поцелуя кроется в вере в его магическое действие, сводящееся к перенесению свойства или силы одного лица на другое путем прикосновения (O. Weinreich, Antik. Heilungswunder, S. 75 ff.; Marmorstein, Arch. f. Religionswissenschaft, XV, S. 318 ff.; W. Wundt, Völkerpsychologie, II, 2, русск. пер. Миф и Религия, СПб. 1913, 92 сл.).

¹⁰ О свадебных подарках: Sartori, I, S. 55; Bächtold, S. 232—254; R. Corso, I doni nuziali, Revue des études ethnogr. et sociolog. 1911, p. 228 sq.; Die Kleiderabgabe bei den Hochzeitsgebräuchen, Ztschr. für vergl. Rechtswiss. XXXI, 1914, S. 321—339; Lauffer, Niederd. Volkskunde, S. 104 ff.; Wüstefeld, Aus der Eichsfeld. Heimat, 1925, S. 95 ff.

справляемой обыкновенно у жениха, то она утратила уже обрядовый характер и сводится к угощению, песням и пляске.¹¹

Свадьба приурочивается обычно к праздничному времени: к масленице, пасхе, троице, к периоду от рождества до нового года. В прежнее время за несколько дней до срока особые лица так называемые «приглашатели на свадьбу» (Hochzeits [ein]lader, Hochzeitsbitter), обычно двое, с палками, украшенными лентами, ходили по деревне, посещая всех родственников и знакомых обрученных и приглашая их на торжество. При этом они произносили, чередуясь друг с другом, иногда довольно длинные приговоры, стихотворные тексты приглашения на свадьбу балагурно-шутливого содержания. При общем композиционном и тематическом сходстве, эти пригласительные речи обнаруживают многочисленные варианты и индивидуальные отклонения. Ниже я привожу некоторые из записанных мною текстов.¹²

Guten Abend! Wir werden Euch auf die
Hochzeit laden.
Sachte kommen wir geschritten.
Hätten wir Pferde, so kämen wir gritten,
Weil wir Euch wollen verkünden
Dem Brautpaar ihren Gruss;
Darum gehn wir zu Fuss.
Ist vielleicht unter Euch jemand,
Dem die Sache ist unbekannt,
Deshalb tragen wir am Stock das Band.
Jetzt könnte man meinen Kamaraden fragen,
Der kann vielleicht Euch mehr sagen.
Der Kamarad ist ein blöder Mann.
Er geht nicht gern in Kirche 'nan.
Aber ich habe die Köchin gefragt,
Und die hat mir gesagt:
Dazu wär viel, viel angeschafft
Und zu der Hochzeit abgeschlacht.
Sieben Kücken und ein Hahn,

Die kommen alle auf einmal dran,
Und alle diese sind so fett,
Als ein gedörertes Wagenbrett.
Und mürben Kuchen man da backt,
Das Fleisch wird kurz und klein gehackt,
Dazu sollt' auch Salat noch sein.
Dieweil ist die Winterzeit,
Da sind bloss die Rotrüben zubereit.
Es sind auch Musikanten hier,
Die spielen alles nach dem Stil:
Der eine hat eine musiksche Geig,
Der zweite hat eine musiksehe Pfeif,
Der dritte hat einen Dudelsack.
Da muss man tanzen nach den Tak(t).
Und was fällt mir noch ein —
Ich schweig ganz still vom Brandewein.
Nun habt Ihr keinen zu Haus,
So zahlen Sie es mir am Geld heraus.¹³

Sacht und leise kommen wir geschritten.
Hätten wir Pferde, so kämen wir geritten.
So haben wir keine, so kommen wir zu Fuss
Und bringen Euch einen schönen Hochzeits-
gruss
Von dem ehrbaren Bräutigam und von der
tugendsamen Braut,
Die haben uns zwei aufgetragen
In ihrem Namen Euch zu sagen,
Dass bis zum zukünftigen Donnerstag soll
die Hochzeit sein.
Da sollt Ihr Euch schön finden ein

Nun aber erst wird man das Paar zu der
Kirche führen
Und dort wird sie der Pastor bei den Leut
kop(u)lieren
Und dann wird man sie wieder rückwärts
führen.
Aber wisst Ihr denn auch wo Ihr hin ge-
höret?
Denn weil man's auf der Nase nicht verbergen
kann,
Den Geruch von so vielen Tausend Braten,
Füllen ja fast alle Gassen an.

Специально о даримых женихом башмаках (Samter, GHT, S. 195 ff.; Vysoky, Archiv f. Religionswissenschaft, XVIII, 1915, S. 593; XXI, 1922, S. 240) Kauffmann, Ztschr. für deutsches Altertum, XLII, S. 142.

¹¹ О вечеринке накануне свадьбы у немцев Западной Европы см. Sartori, I, S. 71 ff.; Samter, S. 60; F. Frensdorff. Verlöbniß und Eheschließung nach Hansischen Rechts- und Geschichtsquellen, Hansische Geschichtsbl. 1918, S. 122.

¹² Ср. аналогичные пригласительные речи у немцев Германии, Чехо-Словакии и др. (Reichhard, S. 59; Wüstefeld, S. 98 ff.; W. Oehl, Dt. Hochzeitsbräuche in Ostböhmen, 1922, S. 39 ff. и указанную в примечании на стр. 40 литературу. Об институте приглашателей на свадьбу см. еще Sartori, I, S. 63; книги Lehman'a, Der Hochzeitsbitter aus dem Schönhengstgau, Landskron, 1923, я под рукою не имел.

¹³ Записано мною со слов крестьянина Friedrich Wiegand 60 лет в селе Антон, Бальцерского кантона.

Und sollt auch helfen zu verzehren,
Was der liebe Gott uns wird bescheren.
Den lacht man als Narren aus.
Kuh', Kilwer (= Kälber), Ochsen, Schweine-
fleisch wird zugerichtet
Und wer dies alles verschmäht
Und nicht auf die Hochzeit geht,
Da kann man sagen:
Dem fehlt kein Hunger und leerer Magen
Nun aber wie wir von den Hochzeitvätern
haben vernommen
Da soll der Brandewein so überflüssig nicht
kommen.

Und wer so töricht wäre
Und wüsste nicht wo er hingehöre,
Wie Ihr selber wüsst,
Dass er so schrecklich teuer ist,
Nu aber doch wird einem jeden Gast vorgestellt
Ein Gläschen das ein viertel Eimer hält.
Auch vom stärksten Bier und süsstem Wein
Sollen noch Fässer voll vorhanden sein.
Nun es fällt mir noch was ein:
Mag es sein Bier oder Brandewein,
Habt Ihr aber keins zu Haus,
Machens zehn Kopeken aus.¹⁴

Braut und Bräutigam hat uns hierher gesandt.
Seht Ihr hier das Stock am Band (sic!)
Die Maus mit ihren gelenken Knochen,
Die zimpelt und zampelt die ganze Woche.

Darüber darf sich Niemand kränken:
Mir wollen sie lieber am Bastbündel hängen.
Klein Maus in dem Botterfass
Kommt hinein, so kriegt sie was.¹⁵

За несколько часов до венчания, происходящего обычно в церкви, реже в доме родителей жениха, дружки, родственники, друзья и музыканты собираются в доме жениха и, после небольшого угощения отправляются к невесте. Последняя уже готова к отъезду в церковь: на ней фата и венец (Brautschnatz). Вдовы и девицы с внебрачным ребенком головного убора не надевают.¹⁶ Перед отъездом невеста прощается со своими родными, пономарь (Schulmeister) прочитывает молитву, а подружки невесты желают ей счастья в предстоящем браке.

Структура свадебного поезда (Ufzug) в различных местностях различна. В старину обычный порядок размещения был следующий: впереди ехали музыканты, за ними невеста с двумя шаферами (Brautführer, Brautborsch), жених с двумя подружками (Brautmädchen), гости. Из церкви поезд ехал в обратном порядке, т. е. жених впереди невесты.¹⁷ Молодежь преграждает путь свадебному поезду («es wird gehemmt»), протягивая через всю улицу веревку, полосы сарпинки и т. д. Жених должен откупиться деньгами.¹⁸ Музыканты (обычно четыре, иногда больше) исполняют на пути в церковь песни религиозного содержания; а на обратном пути — веселые мотивы. После венчания поезд быстро с шумом и песнями проезжает по всем улицам деревни «чтобы каждый мог полюбоваться на молодых», и наконец останавливается у дома жениха, где все уже приготовлено к свадебному пиру. После взаимных приветствий все садятся за стол. Подаются жаркое из баранины, пшенная каша, компот из мелко нарезанных сушеных фруктов (Schnitsuppe), реже — мясной суп и домашняя лапша. Мужчины пьют водку, женщины — красное вино. Новобрачных кормят иногда отдельно от гостей; присоединившись впоследствии к обществу, невеста за столом

¹⁴ Записано со слов крестьянина Johannes Voigt 44 л., село Антон, Бальцерского кантона.

¹⁵ Записано со слов крестьянина Jakob Kempel 60 л., г. Бальцер.

¹⁶ Ср. для Германии: Reichhardt, S. 79 ff.; Sartori, I, S. 78 ff.; L. Bianchi, Mein Heimatland, VII, 1920, S. 58 ff. О ритуальном покрытии невесты вообще см. мою статью: Состав и происхождение свадебной обрядности, Сборн. МАЭ, VIII, Ленинград, 1929, 163 и сл.; см. кроме того, R. Meringer, Wörter und Sachen, V. 171 u. Pehr. Lugn, Die magische Bedeutung der weiblichen Kopfbedeckung im schwed. Volksgl., Mitt. Anthrop. Ges. in Wien L. 1920.

¹⁷ Такое же правило существует в некоторых местностях средней Германии (Wüstefeld, S. 102 ff. 106). О структуре свадебного поезда у других народов см. названную выше мою статью, стр. 166 и сл.

¹⁸ Такое же выражение (der Zug wird «gehemmt») встречается и в языке западноевропейских немцев (напр. Wüstefeld, S. 106). Самый обычай преграждения дороги молодым широко распространен как у немцев, так и среди других народов (Reichhardt, S. 72; Sartori I, S. 85; Pfister, Schwäb. Volksbr. 1924, S. 69 ff.; Fox, S. 364 ff.; Samter, S. 162 ff.; Naumann, S. 81, 83; Westermarck, A short hist. of marriage, p. 117). О значении его см. упомянутую выше мою статью, стр. 158 и сл.

ничего не ест и сидит прямо (strack) и неподвижно, не произнося ни слова.¹⁹ Жених же в некоторых деревнях (Denhof и др.) прежде не должен был вовсе присутствовать на свадебном торжестве и вынужден был слоняться все это время где-нибудь поблизости.

Во время угощения молодежь веселится и развлекается разными шутками. Передают из рук в руки тарелки для сбора денег: на одной из них, предназначенной для невесты, лежат цветы, на другой покоится ключ от цимбал (Hackbrett, Zimbel) деньги с этой тарелки идут в пользу музыкантов; третья тарелка предназначается для стряпухи; на ней лежит кусок обгоревшей материи в знак того, что кухарка сожгла себе передник готовя обед на кухне. Сама стряпуха обмазывает себя и гостей сажей и требует денег за умывание.²⁰ Кричат «горько» (см. выше). Кто-нибудь из гостей незаметно для других (особенно — для шаферов) снимает с ноги невесты ботинок. Перед началом танцев пропажа обнаруживается, и шаферы должны, при общем смехе, купить невесте новый ботинок: «Brautborsch, kalt der Braut 'n Schuh, wann Ihr tanze wollt», — слышатся подзадоривания со всех сторон. Украденный ботинок кладется на тарелку и продается с торгов; шаферы должны купить его и подарить невесте.²¹

После окончания обеда столы и стулья отодвигают в сторону, и гости начинают танцевать, причем прежде всего молодые должны провальсировать три тура (Brautreihen).²² В это время молодых одаривают подарками: прикалывают им булавкой бумажные деньги, набрасывают на плечи куски материи, детские одеяла, полотенца и проч., и новобрачные танцуют нагруженные всеми этими подарками. В некоторых местах первым танцует с невестой сват, передающий ее затем жениху. Шаферы танцуют с подружками. Кто-нибудь из гостей протискивается к музыкантам и, бросивши монету на цимбалы, кричит: «Musikanta, spielt a mol a Polka!». Так танцуют и горланят песни всю ночь. За молодежью принимаются танцевать и старшие: кто хочет танцевать с невестой, должен приколоть ей к груди бумажные деньги. Появляются ряженые (die Verklader), произносят балагурно-шутовские речи, поют песни и просят разрешения принять участие в общем веселии.²³ К концу свадебного торжества с новобрачной снимают венчальный головной убор (Brautschnatz), причем иногда ей завязывают глаза, и подружка, сняв с нее венец, передает его молодой, которая должна надеть его на голову одной из столпившихся вокруг девушек. Эта девушка, согласно народному поверью, первая выйдет замуж.²⁴ В прежнее время невесту сажали при этом на стул, поставленный на стол. Во время этой церемонии поют песню:

Braut, zieh Deinen Brautschnatz aus,
Du bist' ne junge Frau im Haus etc.²⁵

Из других свадебных песен приведу, в качестве примера, следующие две, слышанные мною в селе Антон.

¹⁹ Ср. несколько отличные от этого правила обычаи в Германии: Sartori, I, S. 94, Wüstefeld, S. 108.

²⁰ Так же в Германии: Reichhard, S. 101, Sartori, S. 9; Oehl, S. 189 ff. 146; Wüstefeld, S. 116. Денежные и иные сборы в пользу новобрачных, музыкантов, кухарки и др. ярко отражают былой социальный характер свадебной обрядности, участие всей родовой общины в расходах по устройству свадьбы.

²¹ Совершенно тождественный обычай в Германии: Reichhardt, S. 101, Sartori, S. 100,1; Fox, S. 367. Снятие ботинка с ноги невесты представляет собою типичный rite de séparation (Trennungsritus) и знаменует переход женщины из одной социальной группы в другую; обувь играет здесь роль правового символа подчинения (Sartori, Der Schuh im Volksglauben, Ztschr. d. Vereins f. Volkskunde, IV, S. 169; Feilberg, Skoen som retssymbol, Studier till. E.Tegnér, Lund, 1918, p. 34—42; Th. Volkov, L'Anthropologie II, p. 576, n. 2).

²² Сходно в Германии: Reichhardt, S. 96 ff.; Wuttke, Der deutsche Volksaberglaube, 1925, S. 374; Sartori, I, S. 103 ff.; id. Westfäl. Völkerkunde. Lpz. 1929, S. 97. О немецких свадебных танцах см. E. Schröder, Brautlauf und Tanz, Ztschr. f. deutsch. Altertum, LXI, 1924, S. 17—34; Bloch, Der deutsche Volkstanz der Gegenwart. Hess. Blätter für Volkskunde, XXV, 1926, S. 175 ff.; Wüstefeld, S. 110 ff.

²³ Ср. Reichhardt, S. 107.

²⁴ Сходно в Германии: Wüstefeld, S. 112; Sartori, I, S. 103. Культурно-исторический смысл обряда — выход невесты из положения возрастной группы молодых девушек и принятие ее в другую социальную группу.

²⁵ См. полный текст песни в сборнике J. E. und P. S., Volkslieder und Kinderheime, 1914, S. 118—119.

1
Wenn ich verlier mein ledig Leben
Und trete meinen Ehestand an,
So wird mir Gott die Ehre geben,
Dass ich denselben führen kann.
Da tue ich nun den ersten Schritt
O, liebster Jesu, geh doch mit.²⁶

2
Heit (heute) habt ihr mich als Braut gesehen,
Heit ist mein Hochzeitstag,
Heit werd ich von Eich weggeführt
Weil' s Gott gefallen mag.
Hier war ich über zwanzig Johr,
Bei meinen Eltern hier

Ganz ohne Sorgen, ohne Qual,
Ich danke Gott dafür.
Ich danke, Vater, Mutter, Eich
Was ihr an mir getan,
Ich bete aber also gleich:
O, Jesu, geh voran!
— Geh hin, Du warst mein liebes Kind,
Du hast nicht lang gerast.
Geh hin zum ihm, Du treu gesinnt,
Den Du geliebet hast
Adje, jetzt muss ich weiter gehen
In meines Bräutigams Haus.
Der Friede Gottes sei mit Dir.
Geh mit mir ein und aus.²⁷

В некоторых деревнях (Schilling и др.) подружка, сняв с головы невесты венец, укладывает его в ларчик и танцует с ним, причем все присутствующие принимают участие в этом танце.

Первую ночь молодые проводят обычно в доме родителей новобрачной. На другой день отвозят приданое, в том числе и постель, в дом жениха, и тогда молодые уже спят в нем. Старинный обычай требовал, чтобы все гости осмотрели постель, приготовленную для новобрачных; при этом молодежь в шутку разбрасывала по полу все постельное белье.²⁸

Таков общий ход свадебной драмы у немцев Поволжья. Аналогии и параллели, приведенные в примечаниях, достаточно убедительно показывают нам, что свадебный ритуал основного населения АССРНП сохранил почти все характерные черты свадебной обрядности немцев Германии.

²⁶ Записано мною со слов Emilie Decker 55 л. в селе Антон.

²⁷ Записано со слов Katharina Margarethe Kieselmann, 51 г., село Антон.

²⁸ Сходно в Вестфалии (Sartori, Westfäl. Volksk., S. 99) и в других областях Германии. Обычай этот является, как я думаю, отголоском первобытного группового брака и представляет собой смягчение более древнего обычая, согласно которому гости бросались на приготовленную постель новобрачных (Чурсин, Очерки этнологии Кавказа, стр. 141). «Топтание постели» (у даргинцев *vugış vaçis*) есть символ права всех мужчин данной социальной группы на приобретаемую ею женщину.

Е. Г. КАГАРОВ. К этнографии немцев Поволжья.

[E. KAGAROV. Contributions à l'ethnographie des Allemands du bassin du Volga.]

(Представлено академиком Е. Ф. Карским в ОГН 29 X 1929.)

ПРАЗДНИЧНЫЕ ОБРЯДЫ и ОБЫЧАИ

В той местности, где я летом 1929 г. собирал материалы по праздничной обрядности немцев Поволжья (с. Антон, Бальцерского кантона), эта обрядность, благодаря смешанному земледельческо-ремесленному характеру занятий населения и распространению отхожих промыслов (почти половина мужского населения работает в Баку в качестве плотников и др.), отличается сравнительной бедностью и невыдержанностью. Тем не менее, те элементы ее, которые еще сохранились, обнаруживают весьма значительное сходство с праздничными обычаями немцев в Германии, Австрии и Швейцарии.

Рождество и Новый год. За 3 недели до Рождества срезают ветви сирени или кизила и ставят в воду,²⁹ а за неделю до праздника сеют в ящик с землей ячмень или пшеницу, чтобы ко дню Рождества иметь побольше зелени. Этот ящик с распутившимися ветвями ставится на стол и украшается ленточками, пряниками и конфетами. В сочельник Христос в образе младенца («Christkindchen») посещает дома и приносит детям подарки причем дурно себя ведущие или шаловливые дети получают пучок розог.³⁰

Вечером накануне Сильвестрова дня (1 января) молодежь встречает Новый год. Собравшись, обычно на колокольне, она звонит в колокола,³¹ поет, а ровно в 12 часов стреляют из ружей, после чего расходятся по домам. На следующий день рано утром все идут к родным и друзьям «возвещать выстрелами наступление Нового года» (Das Neujahr anschießen). Сначала читается на кухне нараспев соответствующее стихотворение, при заключительных словах: «Jetzt will ich meinen Wunsch beschliessen und Euch das Neue Jahr anschiessen» раздаются выстрелы из револьверов, ружей, пугачей.³² При входе в горницу произносят еще раз краткое приветствие хозяевам по случаю праздника: «Ich winseh Euch a glickseliges Neujahr, Gesundheit, Fried und Freud und die ewige Seligkeit».

Хозяева потчуют гостей, приглашая к накрытому столу, на котором стоит запеченная свинина, колбаса, булочки и пирожное, а также водка и вино.³³ К старинным народным развлечениям относятся зажигание расставленных на площадях деревни бочек с керосином³⁴ и так называемый «рождественский лис» (Weihnachtsfuchs). Мужчина, нарядившись в шубу, вывороченную мехом наружу,³⁵ с ведром, цепью,³⁶ розгами и луком, вваливается в избу и идет к шаловливым или ленивым ребятам. Последние должны в наказание прыгать через

²⁹ Ср. аналогичный обычай в различных областях Германии, Sartori; Sitte u. Brauch, III, 11; 37 id. Westfäl. Volkskunde, S. 135.

³⁰ О «Christkindchen» на Западе см. Sartori, III, S. 47; Wüstefeld, Eichsfeider Volksleben, S. 250.

³¹ О колокольном звоне при наступлении Нового года в Эйхсфельде см. Wüstefeld, Volksleben, S. 23.

³² О стрельбе на Новый год у немцев Западной Европы см. Sartori, III, S. 56, прим. 11 и 68, прим. 62; id. Westfäl. Volkskunde, 141; Reuschel, Dt. Volkskunde, II, S. 46.

³³ О подобных обычаях в метрополии см. Sartori, III, 54 ff., его же Westfäl. Volkskunde, S. 142.

³⁴ О разведении огня на улицах в время святок в Германии: Sartori, III, S. 41, 69, прим. 65.

³⁵ О переодеваниях на Новый год см. Sartori, III, S. 59, прим. 25.

³⁶ О цепи см. Sartori, Westfäl. Volkskunde, S. 137 ff.

палку, грызть железную цепь и удовольствоваться в виде подарка луковицей. При виде «рождественского лиса» дети поют:

Neujahrsfuchs, Dein Haar brennt an,
Schütte bische Wässer dran,
Ruf un 'nunter, ruf un 'nunter,
Wahr, der Neujahrsfuchs gekommen.

В период от 24 декабря до 6 января (так называемый «Zwische die Johren») гадают о погоде в предстоящем году, причем каждый день этого периода соответствует месяцу года: например, какая погода была 26 декабря, такая будет стоять и в феврале и т. д.³⁷ О погоде гадают также по коже лука, в которую насыпают соли.³⁸

Пасха. В страстную субботу красят обычно яйца, для чего употребляют луковичную шелуху³⁹ или особое растение называемое «Eierkräutchen» (*Lichen saxatilis*). Дети устраивают маленькие садики перед воротами для «пасхального зайчика» (*Osterhase*) и устилают садик травкой, чтобы зайчик мог положить в нее подарки.⁴⁰ Рано утром в день Пасхи ребята вскакивают с постели и спешат к садикам, чтобы взять свои подарки, в течение трех дней праздника знакомые и родственники посещают друг друга и одаривают крашеными яйцами.⁴¹

Троица. В ночь под Троицу парни отправляются тайно в лес, чтобы нарубить там «майские деревца» (*Maibäume*), которые потом ставятся перед воротами избранницы сердца. В Бальцере к высокому шесту привязывают поверху пучок зелени, в Антоне перед домом водружается срубленное дерево целиком.⁴² Этот шест указывает обыкновенно на то, что между молодыми людьми состоялась уже помолвка. Но шест (или деревцо) необходимо тщательно оберегать, чтобы другие парни из озорства не похитили его.⁴³ В эту же ночь парни-озорники ловко крадут у соседей то курицу, то кринку с молоком, то корзинку с яйцами, то кусок сала; все это съедается потом сообща.⁴⁴ В воскресенье деревенская молодежь изготовляет чучело (*Butzemann*) и ходит с ним по улицам, заглядывая в каждый двор и крича: «*Der Butzemann hat Hunger*».⁴⁵ Хозяева угощают пришедших и дают им что-нибудь съестное. Под конец чучело ставят на крышу дома какой-либо высокомерной девицы или разборчивой невесты, отказавшей в своей руке одному из парней. Иногда перед домом такой девицы разбрасывают на улице солому. Так как символика этих действий соответствует приблизительно обмазыванию ворот дегтем у восточных славян, то близкие родственники или жених стропливой особы принимают все меры к тому, чтобы помешать

³⁷ Ср. такой же способ предсказания погоды на предстоящий год в Германии: Sartori, III, S. 23; его же Westfäl. Volkskunde, S. 139.

³⁸ Ср. для Германии Sartori, III, S. 40 прим. 82.

³⁹ Об окрашивании яиц в желтую краску при помощи лука в Эйхсфельде см. Wüstefeld, Volksleben, S. 79. О крашенных яйцах вообще в Германии см. Н. Hepding, Hess. Bl. XXVI, 1927, S. 127 ff.

⁴⁰ О таких гнездах и садиках для зайцев, особенно распространенных в Гессене, см. Sartori, III, S. 159, прим. 64. Во многих местностях они называются «*Hasengärtchen*» (ib.) ср. Wüstefeld, Volksleben, S. 79.

⁴¹ Ср. для Германии Sartori, III, S. 157 ff. Н. Hepding, op. cit., S. 131 ff. — Как убедительно показывает Hepding, совершенно неправы Fr. Kluge, Archiv f. Religionswiss. XXII, 1924, S. 356 ff. и K. Reuschel, Deutsche Volkskunde, II, S. 55, считающие обычай пасхальных яиц и пасхального зайца возникшими в Германии на рубеже XVIII и XIX вв. Существование этого обычая в немецких колониях Поволжья, основанных в половине XVIII в., является лишним доказательством справедливости взгляда Hepding'a.

⁴² О подобном обычае в Германии см. Sartori, III, S. 174; Mannhardt, Wald- und Feld- kalte, I, S. 163; Wüstefeld, Volksleben, S. 104; Sartori, Westfäl. Volkskunde, S. 164; Fox, S. 414, 481.

⁴³ То же на западе: Sartori, III, S. 175, прим. 22.

⁴⁴ И этот обычай находит себе параллель в Германии: Sartori, III, S. 191, 2.

⁴⁵ Butzemann, Butze, ср.-врхн.-нем. butze — привидение, призрак, демон (*Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens*, I, S. 1764).

парням в их намерении или убрать поставленное уже чучело и разбросанную солому. Братья и жених караулят на улице и иной раз на этой почве возникает настоящее побоище.⁴⁶

Иванов день (24 июня) совпадает в Немреспублике с сенокосом; отправляясь на работу, забирают с собой провизию, зарезают барашка или козленка, пекут пироги с ягодами. Водку пьют в большом количестве.⁴⁷

Осенью празднуют еще пожинки (die Kerb), обычно (в селе Антон и соседних деревнях) в первое воскресенье после 20 октября. В этот день пробуют свежую колбасу, режут цыплят и устраивают пирушку по случаю окончания жатвы. Всю ночь напролет пляшут в специально снятых для этой цели помещениях (Kerbhäuser). В царское время пожинки совпадали по времени с призывом новобранцев, и улицы деревни оглашались песнями подвыпившей молодежи.⁴⁸

Вся эта праздничная, как и описанная выше⁴⁹ свадебная обрядность, еще жива в памяти старшего поколения, но, благодаря скептическому отношению к ней молодежи, все более и более упрощается и отмирает. Хозяйственно-бытовая основа обрядов (весеннее деревцо, как заклинание растительности и др.) уже не выступает вполне наглядно и отчетливо, и только праздник жатвы (die Kerb) сохранил еще все черты чисто земледельческого праздника.

Кагаров, Евгений Георгиевич

Материалы по этнографии немцев Поволжья. – [Ленинград]: [б. и.], [1929].

Доклады Академии наук СССР 1929, с. 262-269, 283-286, оттиск.

⁴⁶ Об обычае водружения чучела («Schandmai») на крыше или перед окнами нелюбимых или пользующихся дурной репутацией девиц в Германии см. Sartori, III, S. 175, прим. 25.

⁴⁷ Ср. Sartori, III, S. 233, id. Westfäl. Volkskunde, S. 169.

⁴⁸ О празднике жатвы в Германии, (Kirmes, Kerb, Kerwe, Kirf) см. Sartori, III, S. 245 f. 250. Wüstend. Volksleben, 219 ff.; Sartori, Westfäl. Volksb. 172; Fox, S. 421 ff. Этот праздник в Поволжье справляется за последнее время гораздо проще, чем ранее, все более и более утрачивая ритуальную сторону.

⁴⁹ ДАН-В. 1929, стр. 262 сл.